

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 821.161.1

Литературный контекст романа А.Н. Варламова «Душа моя Павел»

Михаил Русланович ТИТОВ ✉

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

✉ timaik5@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – установить, какую роль играет в романе литературный контекст. Его разнообразие обусловлено местом обучения героев романа – филологическим факультетом Московского государственного университета. Для достижения поставленной цели применен метод интертекстуального анализа. В ходе исследования рассмотрены прямые упоминания и аллюзии к творчеству русских и зарубежных писателей.

Ключевые слова. А.Н. Варламов, «Душа моя Павел», интертекстуальный анализ, литературный контекст, аллюзия

Для цитирования: *Титов М.Р.* Литературный контекст романа А.Н. Варламова «Душа моя Павел» // Державинский форум. 2024. Т. 8. № 2. С. 236-243.

ORIGINAL ARTICLE
UDC 821.161.1

The literary context of A.N. Varlamov's novel "My Soul Pavel"

Mikhail R. TITOV ✉

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation

✉ timaik5@mail.ru

Abstract. The aim of the study is to investigate the role of literary context in a novel, which is shaped by the setting of the novel and the study environment of the characters – Philology Faculty at Moscow State University. To achieve this aim, a method of intertextual analysis is used. The study examines direct references to works by both Russian and foreign authors, as well as allusions to these works.

Keywords: A.N. Varlamov, "My soul Pavel", intertextual analysis, literary context, allusion

For citation: Titov, M.R. (2024). The literary context of A.N. Varlamov's novel "My Soul Pavel". *Derzhavinskii forum = Derzhavin Forum*, vol. 8, no. 2, pp. 236-243. (In Russ., abstract in Eng.)

ВВЕДЕНИЕ

А.Н. Варламов – писатель и публицист, исследователь истории русской литературы XX века, ректор Литературного института им. А.М. Горького. Автор ряда публицистических и литературоведческих статей, член жюри литературной премии «Ясная Поляна». Его роман «Душа моя Павел» увидел свет в 2018 г. Ввиду новизны произведения нельзя утверждать о большой степени его изученности, однако можно отметить некоторые работы. Среди них статьи О.А. Бознак и К.А. Бондаренко, О.В. Новиковой и Н.Н. Лапыниной, А.А. Матевосян [1–3].

Роман А.Н. Варламова «Душа моя Павел» не может быть полноценно воспринят без наличия определенной филологической базы, позволяющей понимать многочисленные аллюзии, шифры и литературоведческие рассуждения в тексте произведения. Не обладая этими знаниями, читатель рискует пропустить значительную часть смыслов, заложенных автором, и даже не понять текст. В этом свете представляется важным произвести интертекстуальный анализ, способствующий лучшему пониманию романа. В общем виде подобный опыт был представлен Г.А. Авдеевой в статье «Филологические аллюзии и цитаты в романе А. Варламова «Душа моя Павел» [4].

Новизна данного исследования заключается в более подробном анализе авторского обращения к образу А.С. Пушкина, упоминания отсылок к творчеству не рассмотренных в предыдущих работах писателей. Цель – установить, какую роль играет в романе литературный контекст. Для достижения данной цели автор обращается к понятию интертекстуального анализа.

Термин «интертекстуальность» был введен Ю. Кристевой в 1967 г. и стал затем одним из основных принципов постмодернистской критики: «Мы назовем интертекстуальностью <...> текстуаль-

ную интеракцию, которая происходит внутри отдельного текста. Для познающего субъекта интертекстуальность – это признак того способа, каким текст прочитывает историю и вписывается в нее»¹. Поскольку автор современного текста является также и читателем текстов классических, интертекстуальный анализ является необходимым методом литературоведческих исследований произведений нашего времени.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Название романа А.Н. Варламова уже является аллюзией. «Душа моя Павел» – первая строка из стихотворения А.С. Пушкина «В альбом Павлу Вяземскому» (1827):

Душа моя Павел,
Держись моих правил:
Люби то-то, то-то,
Не делай того-то.
Кажись, это ясно.
Прощай, мой прекрасный².

В шести строках этого стихотворения педагоги и психологи находят едва ли не аккумуляцию всех педагогических постулатов, но в контексте романа А.Н. Варламова на первый план выходят другие смыслы. Стихотворение Пушкина представляет собой предельно краткое поучение, адресованное не ребенку, но молодому человеку (о чем свидетельствует полная форма имени), отличающееся од-

¹ Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М., 2000. С. 427-457. URL: <http://www.philology.ru/literature1/kristeva-00.htm?ysclid=lufj18eib0836650087> (дата обращения: 25.02.2024).

² Пушкин А.С. В альбом Павлу Вяземскому: («Душа моя Павел...») // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Стихотворения, 1827–1836. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. С. 37.

новременно и понятностью формулируемых правил, и отсутствием конкретики. В случае с первотекстом стихотворения выбор полного имени оправдан целью и выбранным тоном общения: уникальное для текстов Пушкина обращение «душа моя + имя», что отмечает В.Е. Поляков [5], и полная форма имени, которая свидетельствует в первую очередь о равенстве говорящих. Заслуживает интереса частотность упоминания полного имени Паши Непомилуева в тексте романа Варламова. Из 14 вхождений, если не рассматривать название, аннотацию и авторскую речь, только 7 раз к Непомилуеву обращаются по имени. И в каждом из этих случаев такое обращение контекстуально обусловлено: разговор с Эдиком Сыроедовым, извинение от Данилы, беседа с Лешей Бешеным о СССР, разговор со студентами после прочтения «Архипелага ГУЛАГ» А.И. Солженицына, когда всеми уже признается интеллектуальный потенциал Непомилуева, а также крещение, встреча с Бодуновым и напутствие Передистова. Следует учитывать, что формулировка «Душа моя Павел» нигде, кроме названия романа, не присутствует и, примечательно, в творчестве Пушкина она тоже уникальна. Проводя аналогии с пушкинским стихотворением, можно предположить, что так с большой вероятностью могла сказать Муза Георгиевна Мягонькая, с чьей помощью главный герой и поступает на филологический факультет МГУ. Это предположение также подкрепляется и связью с последующими строками стихотворений: «Держись моих правил: / Люби то-то, то-то, / Не делай того-то. / Кажись, это ясно. / Прощай, мой прекрасный»³. Наставления, данные Мягонькой, более разверну-

тые: «дремучесть свою не прячь», «везде учись» [6, с. 36]. Но они выдержаны в духе риторики Пушкина и столь же обобщенные: «минуты не теряй», «за науку всем говори спасибо» [6, с. 36]). Однако Муза Георгиевна ни разу не обращается по имени к Непомилуеву («батюшко» [6, с. 36]), что не дает полного права говорить о том, что стихотворение Пушкина следует рассматривать только в связи с ней как с человеком, который «дал путевку в жизнь» Павлу. Уникальность формы обращения и контекст романа позволяют установить связь между стихотворением Пушкина и всем действием в романе, шире – между стихотворением и избранным автором жанром, «романом воспитания», в авторском варианте – «роман взросления». И в этом свете кажутся очень верными неопределенные местоимения после глаголов в повелительной форме («люби то-то, то-то, // Не делай того-то»), поскольку учителей у Паши Непомилуева много и заповеди у них разные: от детской неозвученной формулы «люби СССР» до минутных наставлений более опытных сокурсников. Стихотворная строка «кажись, это ясно» также соответствует идейному антагонизму Паши и других героев романа, потому что каждый уверен в своей правоте и считает свою точку зрения единственно возможной.

В тексте встречаются и другие отсылки к литературным произведениям, которые играют не менее важную роль в пространстве романа. Две главы посвящены диалогу между Бодуэном и Данилой Кантором, которые обсуждают вопрос об авторстве «Слова о полку Игореве». С научной точки зрения его решил А.А. Зализняк, с перцептивной, в рамках рассматриваемого художественного произведения – Непомилуев Паша, но А. Варламов акцентирует внимание не столько на вопросе, кто написал «Слово...», сколько на вопросе, какое это имеет по-

³ Пушкин А.С. В альбом Павлу Вяземскому: («Душа моя Павел...») // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Стихотворения, 1827–1836. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. С. 37.

литическое значение: тогда и сейчас. И косвенно – на борьбе между поэтом и властью, шире – между искусством и властью. Данила считает, что «Слово о полку Игореве» было создано поэтом Ермаком Костровым по заказу Екатерины Великой в качестве оружия на политическом поле боя: «чтобы доказать историческое превосходство России» [6, с. 160] и преуспеть в деле присоединения Грузии. В его словах звучит мысль о том, что «есть на земле территория, которая даже ей неподвластна и которую нельзя завоевать никакими армиями и флотами, никакими чинами, должностями и угрозами. Которая свободна по определению» [6, с. 163]. Под этой территорией он понимает поэзию. А сейчас эта территория захвачена: «я сначала хотел Мандельштамом заниматься – мне не дали. Иди, говорят, про Демьянку Бедного пиши», и «решил уйти в древность, а там своя политика» [6, с. 170]. Эти мысли приводят его к утверждению, что филология – «паразитка» [6, с. 172]. В контексте романа этот диалог важен потому, что развивает мысль о запрещенных книгах, озвученную Кантором, и перекликается с запретным «Островом сокровищ», который дает Паше почитать Бешеный, – «Архипелагом ГУЛАГ» А.И. Солженицына. Важен, потому что расширяет тему урока, который все по-разному преподают Паше, – урока о его Родине.

Некоторые упоминаемые героями произведения служат дополнениями к характеристике героев. Например, Даня Кантор упоминает роман немецкого писателя Г. Гессе «Игра в бисер», увидевший свет в 1943 г., когда критикует филологию в том, что она паразитирует на писателях: «Мы сами уцепились за их бороды и бакенбарды, висим, ножками дрыгаем, то чуть ли не через синхронизатор каждую букву пропускаем, то в стеклянные бирюльки играем» [6, с. 172]. В романе Гессе игру в бисер можно по-

нять как некий синтез всех отраслей искусства, забаву интеллектуалов, требующую огромных познаний в самых разных сферах. Таким образом автор указывает на широкий читательский кругозор Кантора. Однако с «Игрой в бисер» знаком не только Даня. Когда 19 октября, в День Лицея, начинаются разговоры о Пушкине и Сыроеда поправляет Бодуэн (фамилия героя Бодунов в среде молодых филологов трансформировалась в близкую к фамилии известного лингвиста И.А. Бодуэна де Куртенэ), Кантор отпускает ехидный комментарий («Как уст румяных без улыбки...» [6, с. 290]). На это Бодунов отвечает, как бы продолжая их прошлый разговор об авторстве «Слова о полку Игореве», и озвучивает мысль, что филологи «может быть, для того только на свете и потребны, чтобы языковую норму сберечь», хотя «некоторые тут заявляют, что филологи-де не нужны, что они дармоеды, игроки в бисер, толмачи непрощенные, паразиты и всякое прочее» [6, с. 290]. Бодуэн также демонстрирует свой читательский опыт, что помогает формировать его образ самого умного студента факультета в глазах читателя. «Он как бы самый умный на факультете» [6, с. 278], – говорит Маруся Непомилуеву, и если ей сразу поверить сложно, то оставленные в тексте упоминания прочитанных текстов подкрепляют это замечание.

Герои романа «Душа моя Павел» – студенты филологического факультета ведущего вуза страны. Этим во многом объясняется наличие многочисленных упоминаний названий произведений, фамилий отечественных и зарубежных писателей, цитирование хрестоматийных и малоизвестных строк, стихийно возникающие в период работы колхозных студенческих стройотрядов дискуссии о современной и классической литературе. А.Н. Варламов не случайно определил круг заинтересованных в его романе читателей: «Во-первых, филологам, потому

что мой роман... я не назвал бы его филологическим, скорее, он антифилологический или контрфилологический. Но поскольку я отталкиваюсь от филологии, в каком-то смысле бодаюсь с ней, то созданная в романе атмосфера филологам могла бы быть любопытна. И споры моих героев об авторстве «Слова», о Пушкине, о Толстом, о смысле филологии, ее предназначении – тоже»⁴.

Молодые филологи свободно вводят в разговор литературные фразы, превращают в аргументы литературные сюжеты. Например, слушая о жесткости обращения учительницы и молчаливом согласии с этим родителей и администрации школы, Данила Кантор напоминает собеседникам: «Опять же Грибоедова вспомни: Татьяна Юрьевна, княгиня Марья Алексеевна. Всегда на Москве так было» [6, с. 140]. Высказывая по-юношески максималистское желание «увидеть не то, что есть на самом деле», это же герой вспоминает рассказ В.М. Шукшина «Микроскоп»: «Я, знаешь, недавно рассказик один прочитал. Там герой, деревенский мужик, помешался на микробах. Рассматривает в микроскоп каплю крови, видит красные и белые кровяные тельца и думает, что это микробы в кровь пробрались. И начинает ученых подозревать. Что они-де все знают и молчат. Так вот и мне очень хочется, чтобы я оказался таким же недотепой, который сунулся со своим микроскопом и увидел не то, что есть на самом деле» [6, с. 158]. Подобных примеров в тексте – множество.

Не все произведения, упоминаемые в тексте романа, подчеркивают читательский кругозор героя. Некоторые произведения взяты из школьной программы и

соответствуют озвученному Мягонькой принципу выбора вопросов на вступительном экзамене: «Чему в школе не учили, спрашивать ни-ни, нельзя» [6, с. 27]. В Пашином сочинении по драме А.Н. Островского «Гроза» не упоминаются тексты, которые свидетельствуют о богатом читательском опыте. Непомилуев упоминает Базарова, но «Отцы и дети» И.С. Тургенева – тоже программное произведение. Конечно, можно отметить, что Паша также читал роман «Как закалялась сталь», но в контексте сочинения это выглядит скорее забавно: Непомилуев путает А.Н. Островского и Н.А. Островского, пишет, что «писатель этот потом еще про Павку Корчагина написал» [6, с. 39], подразумевая именно автора «Грозы». В данном случае выбор Варламовым одного из самых распространенных текстов для чтения в школе не случаен: этим подчеркивается способность Паши нестандартно мыслить, видеть за навязываемыми шаблонами («то есть нам в школе говорили луч света в темном царстве, протест против закрепощенности, суровые нравы в нашем городе, все это может быть и так, но кинутся в реку все равно слишком серьезное дело»⁵; орфография героя, автора сочинения, сохранена) совершенно другое («она летать хотела от этого все, по-моему, и пошло. Потому что если летаешь неосторожно, то обязательно, в конце концов, упадешь. Вот она и упала» [6, с. 39]). Эту особенность Пашиного восприятия замечает Муза и своей волей берет его на факультет филологии.

Примечательно, каким образом существует в тексте фигура А.С. Пушкина. Связь с поэтом устанавливается уже с названия романа, а в дальнейшем расширяется и крепнет. Чаще всего в тексте упоминаются произведения Пушкина, хотя неоднократно говорится о преиму-

⁴ Варламов А.Н. Вера в Бога не дает тебе никаких автоматических преимуществ перед другими // Фома. 2018. № 9. URL: <https://foma.ru/vera-v-boga-ne-daet-tebe-nikakih-avtomaticheskikh-preimushhestv-pered-drugimi.html?ysclid=lrhz2qak8i568018283> (дата обращения: 25.12.2023).

⁵ Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман. С. 36.

ществах, желанности самиздата: Данила говорит про запрещенные книги, «хотел свободно читать их... А за иные можно и срок схлопотать» [6, с. 143]; Бодуэн утверждает, что меняет «своего Пушкина на Федора Сологуба, которого у меня нет» [6, с. 284]. Студенты демонстрируют глубокие познания в творчестве Пушкина, что ярче всего проявляется в главе «Девятнадцатое». В качестве примера тоже часто упоминаются произведения Пушкина: «Зависть – сестра соревнования, а следственно, хорошего рода. Так Пушкин сказал. Значит, есть зачем. А в то же время Сальери у него Моцарта из зависти отравил», – говорит Сыроедов [6, с. 83].

Пушкин становится персонализацией филологии в целом, этот образ впервые использует Дания Кантор, когда спорит с Бодуновым о смысле исследования текстов. В дальнейшем почти дословно автор цитирует Кантора в главе «Девятнадцатое», как будто включаясь в спор своих героев. Пушкин, а в его лице филология в целом, достигает как комических, так и космических масштабов: он «сгодиться может» и для того, чтобы Сыроед опьянел, и для того, чтобы объединить в будущем миллионы людей в одно государство: «прекрасен наш союз, потому что Пушкин – наш товарищ и что бы мы без этого советского были» [6, с. 301]. Такие разные трактовки помогают не столько понять официальную риторику в сфере литературы, сколько шире взглянуть на роль литературы в социуме, жизни отдельного человека. Этими примерами автор как будто ставит точку в споре между Кантором и Бодуновым, показывает надмирность и аполитичность литературы, которая сильнее власти, раз отступила Екатерина Великая от «Слова о полку Игореве», и нужна каждому человеку: чтобы переживать, чтобы спорить, чтобы объединять народы.

Вдохновенные, восторженные рассуждения Непомилуева о сплотившейся бригаде любопытным образом перекликаются

с творчеством А. Платонова, написавшим к юбилейному 1937 г. статью «Пушкин – наш товарищ»⁶. Практически дословная трактовка одной стихотворной строки Пушкина «Друзья мои, прекрасен наш союз!» в представлении Павла уже дает все основания для включения фигуры А.С. Пушкина в личное, идеализированное советское пространство, что соответствует особенностям восприятия художественных текстов Непомилуевым. Однако в данном случае характеристика поэта, основанная лишь на контекстуальной омонимии слова «союз», является также и неким выводом в одноименной статье А. Платонова, чему у автора предшествует подробный анализ некоторых произведений и биографии А.С. Пушкина. Безусловно, этот выстроившийся диалог между героем романа и одним из советских писателей не случаен. Данная аллюзия примечательна тем, что подчеркивает соответствие хода мыслей Непомилуева официальной советской идеологии, причем без обязательного ознакомления с текстами, содержащими данную идеологию (о чем можно с большой долей вероятности говорить, учитывая читательский опыт и предпочтения Павла). Это выдержано в духе риторики Платонова: в каком-то смысле Паша – это такой же инженер, агроном или моряк, который читает стихотворения Пушкина и шепчет слова про себя.

Неслучайно роман А.Н. Варламова «Душа моя Павел» Я.В. Солдаткина отнесла «к распространенному и очень востребованному в современной литературе историческому направлению, нацеленному на осмысление советского прошлого, путей его философской, моральной и социальной интерпретации в современных культурных условиях» [7, с. 12].

⁶ Платонов А.П. Сочинения: в 6 т. Т. 6. 1936–1941: в 3 кн. Кн. 3. Литературная критика. Публицистика. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 7–20.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в пространстве романа А.Н. Варламова «Душа моя Павел» литературный контекст играет важную роль, диктуемую как филологической средой, так и замыслом произведения.

Рассмотренные отсылки к произведениям А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, А.Н. Островского, Н.А. Островского, Г. Гессе и других позволяют точнее понять авторский замысел, психологические особенности героев произведения.

Список источников

1. Бознак О.А., Бондаренко К.А. Проблема жанровой атрибуции романа Алексея Варламова «Душа моя Павел» // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2023. № 1-2 (25-26). С. 110-124. <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2023-1-2-110>, <https://elibrary.ru/vbvskz>
2. Новикова О.В., Лапынина Н.Н. Антропонимическое пространство романа А. Варламова «Душа моя Павел» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 4. С. 66-76. <https://doi.org/10.36622/AQMPJ.2020.39.4.009>, <https://elibrary.ru/rmblag>
3. Матевосян А.А. Роль фольклорных мотивов в романе А.Н. Варламова «Душа моя Павел» // Наука и школа. 2023. № 3. С. 26-32. <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2023-3-26-32>, <https://elibrary.ru/ctcfkv>
4. Авдеева Г.А. Филологические аллюзии и цитаты в романе А. Варламова «Душа моя Павел» // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2020. № 2. С. 228-238. <https://doi.org/10.26170/ufv20-02-21>, <https://elibrary.ru/mxhzbl>
5. Поляков В.Е. «Душа моя Павел, держись моих правил»: из педагогического наследия А.С. Пушкина // Пространство и Время. 2015. Т. 8. № 1. С. 8. <https://elibrary.ru/tlrux>
6. Варламов А.Н. Душа моя Павел. М.: Изд-во АСТ, 2018. 381 с.
7. Солдаткина Я.В. Мифологема воды в современном русском «романе о взрослении» (А.Г. Архангельский «Бюро проверки», А.Н. Варламов «Душа моя Павел», Е.Г. Водолазкин «Брисбен») // Наука и школа. 2020. № 4. С. 11-17. <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2020-4-11-17>, <https://elibrary.ru/rfhmil>

References

1. Boznak O.A., Bondarenko K.A. (2023). The problem of genre attribution of Alexey Varlamov's novel "My soul Pavel". *Vestnik Syktyvskarskogo universiteta. Seriya gumanitarnykh nauk* [Bulletin of Syktyvkar University. The Humanities Series], no. 1-2 (25-26), pp. 110-124. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2023-1-2-110>, <https://elibrary.ru/vbvskz>
2. Novikova O.V., Lapynina N.N. (2020). Anthroponymic space of A. Varlamov's novel "My soul Pavel". *Aktual'nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki = Actual Issues of Modern Philology and Journalism*, no. 4, pp. 66-76. (In Russ.) <https://doi.org/10.36622/AQMPJ.2020.39.4.009>, <https://elibrary.ru/rmblag>
3. Matevosyan A.A. (2023). The folklore motifs role in A.N. Varlamov's novel "My soul Paul". *Nauka i shkola = Science and School*, no. 3, pp. 26-32. (In Russ.) <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2023-3-26-32>, <https://elibrary.ru/ctcfkv>
4. Avdeeva G.A. (2020). Philological allusions and citations in the "My soul Paul" novel by A. Varlamov. *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa = Ural Philological Herald. Series Language. System. Personality: The Linguistics of Creativity*, no. 2, pp. 228-238. (In Russ.) <https://doi.org/10.26170/ufv20-02-21>, <https://elibrary.ru/mxhzbl>

5. Polyakov V.E. (2015). Sweet heart Paul, keep to my rules': from Alexander Pushkin's pedagogical heritage. *Prostranstvo i Vremya* [Space and Time], vol. 8, no. 1, pp. 8. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tlrux>
6. Varlamov A.N. (2018). *Dusha moya Pavel* [My Soul Pavel]. Moscow, AST Publ., 381 p. (In Russ.)
7. Soldatkina Ya.V. (2020). Mythologem of water in the contemporary Russian "Coming of Age Novel" (A.G. Arkhangelsky "Check Office", A.N. Varlamov "My Soul Paul", E.G. Vodolazkin "Brisben"). *Nauka i shkola = Science and School*, no. 4, pp. 11-17. (In Russ.) <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2020-4-11-17>, <https://elibrary.ru/rfhmil>

Информация об авторе

Титов Михаил Русланович, студент факультета филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, timaik5@mail.ru

Information about the author

Mikhail R. Titov, Student of Philology and Journalism Faculty, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, timaik5@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 15.03.2024
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 22.04.2024
Принята к публикации / Accepted for publication 24.05.2024